

Коронакризис – кризис управленческих решений

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, заместитель главного редактора журнала «ЭКО».

E-mail: elmiraves@yandex.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Статья написана на базе материалов нескольких онлайн-семинаров и конференций, прошедших летом-осенью 2020 г. и посвященных обсуждению проблем, вызванных пандемией COVID-19. Экономисты пришли к выводу, что первый в истории опыт локдауна, порожденный желанием остановить распространение инфекции, спровоцировал тяжелейший экономический кризис, который один из экспертов назвал кризисом управленческих решений. Авторы процитированных в статье докладов сходятся во мнении, что для успешного преодоления последствий коронакризиса многим государствам стоило бы кардинально пересмотреть сложившиеся подходы к управлению экономикой.

Ключевые слова: коронакризис; пандемия; прогноз; риски; восстановление экономики; господдержка; неопределенность

Ждали, но оказались не готовы

Прежде всего, кризис показал уязвимость существующих подходов к организации национальных систем здравоохранения и их неготовность противостоять массовым инфекциям. Погоня за экономической эффективностью лечебных учреждений, ориентация на текущий поток пациентов, практически повсеместно приведшие к сокращению резервов койко-мест, оборудования и специалистов, в условиях быстрого нарастания количества заболевших обернулись огромными перегрузками для национальных систем. «Эта проблема касается всех систем общественного здравоохранения в мире, включая систему ВОЗ, которая с начала 2000-х годов готовилась к развитию своей системы в плане борьбы с массовыми инфекционными заболеваниями, – напомнил **Б. Н. Порфирьев**, научный руководитель ИНИ РАН. – Были проведены две крупнейших конференции на эту тему с участием 150 стран. К 2008 г. была сформирована концепция One Health, которая увязывала проблему возникновения эпидемий с влиянием окружающей среды, но ушла на второй план после кризиса 2008–2009 гг.»

В свою очередь **Жак Сапир**, директор французского Центра исследований моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона CEMI (Centre d'études des modes d'industrialisation, Centre Robert

de Sorbon) упомянул, что «Франция еще в начале 2000-х гг. разработала план действий на случай респираторного вируса, и этот план был подтвержден в 2004 г. Однако из-за отсутствия финансирования многие меры этого плана были не осуществлены или осуществлены незначительно», на что в 2015–2016 гг. «обращали внимание многие ответственные лица». В частности, как показали события 2020 г., не был сформирован достаточный запас одноразовых средств защиты.

Имели место, конечно, и чисто организационные просчеты, способствовавшие ухудшению ситуации. Особенно поначалу, когда скорость распространения COVID-19, его вирулентность, показатели смертности и т.д. были неизвестны. «Реакция французского правительства (как и других) во многом была порождена тем, что кризис изначально недооценивался... В этом отношении очень интересно сопоставить официальную риторику властей и реакцию администрации на местах, – рассказывает Жак Сапир. – В своем заявлении 16 марта 2020 г. президент Франции семь раз использует слово “война”, что, очевидно, свидетельствует о его серьезном отношении к ситуации. И одновременно с этим и официальные власти, и администрации, и даже независимые институты минимизируют последствия практически до конца апреля... Возникла ситуация некоей “дискурсивной шизофрении”, когда на языке одно, в головах другое, в практических действиях третье... Приведу один пример. Во Франции существуют три типа больниц – государственные, частные, но приравненные к государственным с точки зрения услуг, и полностью частные. Так вот, клиники второго типа (частно-государственные) были мобилизованы на борьбу с эпидемией только через три недели после начала чрезвычайной ситуации, а частные больницы вообще не были мобилизованы. Правительство тратило огромные средства на перевозку больных специальными поездами или даже самолетами в другие провинции или даже за границу, при этом в частных больницах были свободные места в реанимационных отделениях».

Локдаун и его последствия

Для того чтобы не допустить коллапса в системе здравоохранения, большинство развитых стран были вынуждены ввести меры самоизоляции, различающиеся по продолжительности и степени жесткости и породившие масштабные социально-экономические эффекты.

Отметим, что это была первая эпидемия, на которую общество отреагировало закрытием экономики. Пандемии наблюдались и в прошлом, в том числе сопоставимые по количеству смертей. От испанки в 1918 г. умерло, по разным оценкам, от 17 до 50 млн человек, от азиатского гриппа в 1956–1958 гг. – около 2 млн, столько же – от гонконгского гриппа в 1968-м, но мировую экономику никто не закрывал, максимум, были локальные карантинные мероприятия.

М. С. Гусев (зав. лабораторией ИНП РАН) представил расчеты ИНП на основе данных Мирового банка и Университета Оксфорда, показывающие корреляцию между отдельными показателями экономического спада и жесткостью ограничительных мер¹ для 15 крупнейших экономик мира (совокупная доля мирового ВВП – 70%) (табл. 1). Индекс нормирован на долю услуг в ВВП (кроме строительства), а также на доли потребления домашних хозяйств и импорта в ВВП. «Мы видим, что для большинства стран жесткость ограничений хорошо объясняет глубину спада, а для крупнейших экономик мира большое значение также имеют доля сектора услуг, доля потребления домохозяйств, доля импорта, структура экспорта, а также масштаб мер государственной поддержки (в некоторых странах бюджетные расходы помогли поддержать конечный спрос).

Без учета Китая мировой ВВП во 2-м квартале 2020 г. сократился на 12,6% в годовом выражении. С учетом Китая – на 9%. Последние на момент написания статьи (ноябрьские 2020 г.) оценки экономического спада, предложенные МВФ, ОЭСР, Мировым банком, ООН, Еврокомиссией, сходятся на уровне минус 4–4,5% годовых к уровню 2019 г.

По словам М. С. Гусева, «ключевым фактором экономического спада (9 п.п.) стало снижение мирового потребления, зафиксированное впервые после Второй мировой войны». Это связано как с прямым ограничением на потребительскую активность, так и с ограничениями на те сферы, где формируются доходы большей части потребителей». Еще 4 п.п. «добавило» сокращение инвестиций.

В свою очередь **А. Ю. Кнобель** из Академии внешней торговли обратил внимание на то, что одновременное снижение совокупного

---

¹ Жесткость ограничений – сводный индекс, рассчитываемый Университетом Оксфорда как среднее из девяти индикаторов, отражающих действие отдельных ограничительных мер и представленности информации о пандемии и государственных мерах в СМИ.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели крупнейших экономик мира во 2-м кв. 2020 г., % ко 2-му кв. 2019 г. (если не оговорено иное)

Страна	Темп прироста ВВП*	Конечное потребление домашних хозяйств *	Конечное потребление гос. учреждений *	Валовое накопление основного капитала *	Экспорт товаров и услуг *	Импорт товаров и услуг *	Промышленное производство *	Прирост безработицы за март-июнь к февралю 2020, п.п.	Объем фискальных стимулов на начало мая 2020 г., % к ВВП	Доля услуг в ВВП в 2018 (кроме строительства), %	Жесткость ограничений экономической активности (100 – наиболее жесткие меры)
Ю.Корея	-2,8	-4,5	6,1	2,0	-13,0	-8,6	-5,2	1,5	2,2	60	55,6
Индонезия	-5,2	-5,5	-7,0	-8,5	-10,2	-15,4	-5,4	2,1	5,3	45	69,6
Китай	-6,8	-18**	—	-16,1	-13,7**	-3**	-9,0	0,2	3,8	52	59,0
Россия	-8,0	-22,2	1,6	-11,7	0,3	-22,2	-8,5	2,2	2,8	61	80,1
Турция	-9,0	-8,6	-0,8	-6,1	-35,1	5,5	-16,8	1,5	2,0	61	72,0
США	-9,0	-11,8	1,5	-5,6	-23,2	-22,4	-14,7	11,2	13,0	80	70,6
Япония	-10,1	-11,3	0,8	-6,1	-23,1	-6,3	-18,7	0,5	21,1	70	37,9
Германия	-11,3	-12,8	3,8	-8,6	-22,2	-17,4	-22,0	1,4	10,7	69	67,3
Бразилия	-11,4	-13,4	8,6*	-15,2	0,6	-14,7	-19,3	2,3	8,0	73	77,6
Италия	-18,0	-17,5	-2,4	-12,6	-33,1	-26,8	-25,6	1,4	5,7	74	70,4
Мексика	-18,7	-20,6	2,4	34,0*	-31,1	-29,7	-29,6	1,8	1,0	65	78,8
Франция	-18,9	-16,4	-12,1	-22,4	-30,5	-21,3	-23,3	-0,2	9,3	79	76,2
Великобритания	-21,5	-25,9	-16,9	-27	-15,0	-29,2	-18,4	0,2	5,0	80	77,7
Испания	-21,5	-25,2	3,1	-25,8	-38,1	-33,5	-24,1	2,6	7,3	75	72,5
Индия	-23,9	-26,9	16,2	-47,2	-19,7	-40,4	-35,5	15,7	1,1	54	85,6

* Данные по Китаю за 1 кв. 2020 г. ** Индекс физического объема экспорта и импорта товаров.

спроса и предложения привело «к сокращению объема мировой торговли, не пропорционального сокращению мирового ВВП». На этом фоне со 2-го квартала 2020 г. началось снижение цен (прежде всего – на сырьевые товары), бегство капитала из рискованных активов и некоторое укрепление доллара (главным образом – относительно валют развивающихся стран). В перспективе же можно ожидать снижения доли торговли в мировом ВВП.

Практически все эксперты говорят о структурном характере кризиса.

«Если посмотреть в целом на мировую экономику, можно все отрасли разделить на три группы, – рассказывает М.С. Гусев. – Это те, которые пострадали напрямую – туризм, рестораны, авиаперевозки, те, кто пострадал в результате косвенных эффектов, и отрасли, которые слабо пострадали или вообще не пострадали.

В частности, мировой турпоток и доходы отрасли сократились на 60–80%. Доходы авиаперевозок упали на 50%, без государственной поддержки 95% авиакомпаний являются убыточными, в сфере ресторанов и общественного питания снижение доходов составило 25–30%.

Образование, судя по тому, какое количество учащихся среднего и высшего звена может посещать учебные заведения, падение будет около 30% в терминах условного выпуска.

В энергетике ожидается падение 5% мирового спроса (при этом спрос на энергию из возобновляемых источников продолжает расти, хотя и небольшими темпами).

В обрабатывающей промышленности спад составил 8,4%, но есть большой разброс по отраслям. Сильнее всего упали машиностроение и легкая промышленность (по итогам 2-го кв. 2020 г. спад в производстве автомобилей составил 37%), а в производстве электроники и фармацевтике сохраняется рост».

В сельском хозяйстве даже во время пандемии спрос не падает, за исключением отдельных сегментов, на которые влияет спрос со стороны общественного питания. При любом раскладе рынок сельхозпродукции продолжает расти, и определяющими для него остаются природные факторы – погодные условия, урожайность, и лишь во вторую очередь – баланс спроса/предложения, изменение запасов.

Информационно-коммуникационный комплекс тоже не пострадал. Затраты на продукцию ИКТ остаются на уровне 2019 г., а в отдельных нишах (IoT, AI, ARVR, Robotics, 3D-printing, blockchain,

а также все, связанное с дистанционными технологиями) можно даже говорить о росте по итогам 2020 г.

В ходе докладов были озвучены и некоторые «неожиданные» или «нетипичные» примеры отраслевой динамики в разных странах, вызванные особенностями распределения труда вдоль цепочек создания стоимости, нюансами правовых режимов и т.д. Так, например, в строительном секторе Франции, по словам Ж. Сапира, масштаб прекращения деятельности был больше того, которое изначально предусматривало правительство при введении режима самоизоляции. Причиной стал тот факт, что французское законодательство возлагает на работодателя ответственность за любые заболевания сотрудников, полученные на рабочем месте (не только, скажем, за производственные травмы), так что владельцы и управляющие компаний попросту побоялись вала судебных исков за подхваченную на производстве смертельную инфекцию и поспешили «перевыполнить» госзадание по введению ограничений. В результате в строительном секторе были закрыты почти 90% объектов, хотя правительство рассчитывало на спад в 50%.

В то же время в России, хотя жесткость режима ограничений была выше, чем во Франции (табл. 1), спад в строительстве был относительно небольшим. По всей видимости, это объясняется тем, что значительная часть масштабных строительных проектов реализуется государством.

В свою очередь **В.А. Сальников** (зав. лабораторией ИНП РАН), комментируя неожиданные отраслевые эффекты, обратил внимание на то, что в плюсе оказались, например, производители упаковки, «просто потому, что люди переключились с ресторанов на домашнее потребление, а это более мелкая фасовка, и расход упаковки там гораздо выше». По его словам, подобных эффектов в отдельных нишах довольно много. «Если, к примеру, посмотреть более детально на авторынок, который в целом упал, то можно отметить, что продажи на обычные автомобили за 9 месяцев 2020 г. сократились на 18%, а на электромобили – выросли на 11%. Структурная технологическая трансформация на фоне пандемии ускоряется».

Меры господдержки и бюджетный дефицит

В большинстве развитых стран были реализованы специальные меры, призванные смягчить экономические последствия кризиса для граждан и предприятий.

Реализуемые подходы к формированию антикризисных пакетов довольно заметно различаются по странам. Во Франции, по словам Ж. Сапира, на меры прямой поддержки в национальном бюджете 2020 г. заложено 43,5 млрд евро. Самая крупная статья (31 млрд евро) – финансирование частичной безработицы, затем идут поддержка микропредприятий (8 млрд) и субсидирование территориальных органов – около 4,5 млрд евро.

Отраслевые меры поддержки на общую сумму 43,5 млрд евро реализуются по пяти планам. Самое крупное направление (более 40% от этой суммы) – поддержка туристического сектора, который представляет собой около 10% ВВП и обеспечивает 1,5 млн рабочих мест во Франции, 15 млрд евро выделено на поддержку авиационной и космической промышленности, 8 млрд – для автомобильной. «Далее идут две небольшие позиции – меры в поддержку стартапов и технологичных предприятий и меры поддержки культуры».

По оценке Ж. Сапира, «если мы объединим отраслевые меры и меры срочной помощи, это дает 3,6% ВВП (а если меры срочной поддержки будут увеличены до 50 млрд – около 5% ВВП). Это, во-первых, далеко от 14% ВВП, декларируемых правительством, во-вторых, заметно меньше, чем у соседей. Так, в Германии прямые меры поддержки экономики составляют около 130 млрд евро.

Кроме того, есть ряд секторов, в которых меры поддержки не применялись. «В первую очередь это сезонные работники, работники без постоянного рабочего места (прекариат) и очень малые предприятия».

В России господдержка распределяется по шести ключевым разделам бюджетного плана: социальная поддержка, поддержка занятости, крупные инвестпроекты, проекты в области импортозамещения, поддержка регионов и секторальные меры поддержки для отдельных видов экономической деятельности (ключевые направления – строительство, здравоохранение и транспорт). «В первых пяти разделах основными каналами для финансирования экономики станут бюджетные инвестиции, трансферты и прямая поддержка домохозяйств, – комментирует директор ИНП РАН **А.А. Широв**. – Через эти три канала будут потрачены 2,7 трлн руб. в 2020 г. и 2,4 трлн – в 2021-м... Но проблема в том, что не все эти деньги “новые”. Значительная часть элементов антикризисного плана перекочевала из национальных проектов и других бюджетных программ. “Новые” деньги, которые будут

сформированы в экономике в результате этого плана – это всего около 0,9 трлн руб., так что существенного прироста ВВП от таких вливаний ожидать не приходится. Наша текущая оценка – всего 0,7% ВВП дополнительного роста. То есть пока текущее наполнение антикризисного плана является недостаточным, а главное – такая его конфигурация снижает возможность быстрого восстановления российской экономики в 2020–2021 гг., консервирует имеющиеся проблемы и формирует новые».

По словам А.А. Широва, реальное распределение средств поддержки не соответствует декларациям о «социальной направленности» антикризисного пакета. Так, на социальную поддержку было направлено 0,8% ВВП, тогда как на поддержку секторов экономики – 1,8%. И в целом, если сравнить нынешний антикризисный пакет с таковым 2009 г., государство в этот раз явно решило сэкономить. Если в 2009 г. совокупный антикризисный бюджет составил 6,2% ВВП, то в 2020 г. – только 2,6% (впрочем, нужно учитывать, что часть мер предполагается реализовать в 2021 г.).

Основные формы поддержки давно известны, и тут редко появляется что-то новое. При этом понятно, что их эффективность и для отдельных предприятий, и для экономики в целом сильно различается. Так, заместитель директора ИНП РАН **Д.Б. Кувалин** рассказал о результатах опроса российских компаний, проведенных сотрудниками института². По его данным, более 77,8% респондентов наиболее желательной для бизнеса мерой назвали снижение налоговых платежей на несколько месяцев. Бизнес также высоко оценил субсидии, направленные на сохранение рабочих мест (65%). «Каждое малое предприятие в течение 2–3 месяцев получало по 12 тыс. руб. в месяц на каждого работника в штате. Для многих из них это оказалось жизненно важной мерой, хотя 12 тыс. руб. – это всего лишь размер прожиточного минимума», – говорит Д.Б. Кувалин.

Предприятия позитивно относятся к поддержке спроса за счет расширения госзакупок и выплат субсидий населению (52,3%). А 49% опрошенных ратуют за заморозку цен на услуги естественных монополий (в конце 1990-х гг. такая мера применялась и стала одним из факторов, которые обеспечили быстрое восстановление). Популярностью пользуются также меры по снижению ставки

---

² Подробнее об исследовании см. *Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А.* Российские предприятия весной 2020 г.: реакция на пандемию COVID-19 и мнения о роли государства в экономике // *Проблемы прогнозирования.* 2021. № 1. С. 164–176.

процента по кредитам (44,4%) и по реструктуризации текущей задолженности по кредитам (25%).

При этом примечательно, что к моменту опроса (2-й квартал 2020 г.) только 9% респондентов смогли воспользоваться мерами поддержки, предложенными федеральной властью, еще 5,7% получили региональные меры поддержки, и лишь 20% предприятий рассчитывают воспользоваться этими мерами в будущем, тогда как 31,6% респондентов считают их настолько незначительными, что не собираются прибегать к ним. По-видимому, такое сдержанное отношение объясняется тем, что в опросе участвовали главным образом предприятия среднего и крупного бизнеса, с числом сотрудников 250 человек и выше, а большая часть мер поддержки нацелена на малые предприятия.

Общэкономический эффект антикризисных мер – это несколько иное. В Институте народнохозяйственного прогнозирования оценили мультипликаторы различных мер поддержки для экономики (табл. 2).

«Но мультипликаторы – это только коэффициенты, – поясняет А. А. Широ́в. Для того чтобы оценить реальный мультипликативный эффект, нужно понимать емкость каналов, по которым финансируется восстановление экономической динамики». А вот с этим сложно. С наполнением бюджетов все страны сегодня предсказуемо испытывают большие проблемы.

«Бюджетный шок будет очень значительный, – рассказывает Ж. Сапир о ситуации во Франции. – Общий дефицит составит 11% ВВП, госдолг – от 115 до 120% ВВП, с учетом уменьшения ВВП в 2020 г.» (напомним, эти оценки были сделаны еще до второй волны).

Таблица 2. Мультипликаторы ВВП по мерам поддержки

Мера поддержки	Коэффициент мультипликатора
Поддержка кредитования населения	6,14
Субсидирование экспортных кредитов	4,6
Гранты на поддержку бизнеса	3,4
Кредитование инвестпроектов	2,53
Государственные закупки	1,5
Поддержка потребительского спроса	1,3
Поддержка доходов домохозяйств	1,3
Бюджетные инвестиции	1
Экспортные субсидии	0,97

Большинство стран пытаются восполнить этот дефицит, комбинируя два возможных в данной ситуации способа – наращивая госдолг и/или включив печатный станок. Как рассказал заместитель директора ИНП РАН **А. К. Моисеев**, во 2-м квартале 2020 г. скачок суммарных активов центральных банков разных стран превысил 6 трлн долл. Из них на ФРС США приходится 3,3 трлн долл., ЕвроЦБ – 2 трлн, банк Японии – 1 трлн. «Примерно 50% этих средств идет на кредитование банков и предприятий, а другая половина – государству на финансирование антикризисных программ. Госдолг при этом в масштабах мировой экономики прирастает с той же интенсивностью, что и частный долг, и, судя по всему, к 2023 г. объемы их прироста сравниваются. Поэтому ставки кредитования повсеместно держатся отрицательными. Частные предприятия с каждым годом должны все больше прибыли отдавать государству в погашение этих кредитов».

В России дефицит бюджета составит примерно 5% ВВП. При этом, в отличие от многих других стран, имеется Фонд национального благосостояния (ФНБ), достигающий 12% ВВП, который, казалось бы, именно для таких случаев и предназначен. «К нашему изумлению, из ФНБ будет потрачено на финансирование бюджета не более 500 трлн, или 0,5% ВВП», – комментирует А. А. Широков. Остальные средства (более 4 трлн руб.) будут привлечены за счет внутренних заимствований, чтобы связать избыток текущей ликвидности, скопившейся у банков. Это тем более странно, что в предыдущие годы страна буквально жертвовала темпами роста, направляя «излишки» нефтегазовых доходов в антикризисную «копилку». Тем не менее финансовые власти страны посчитали необходимым оставить эти ресурсы в неприкосновенности.

В результате же российские банки, судя по данным, представленным А. К. Моисеевым, окажутся в числе немногочисленных бенефициаров нынешнего кризиса. В 2017–2019 гг. доля банковского сектора в общем объеме прибыли российской экономики постоянно росла (составляя, соответственно 9–11–13%). Решение обратиться к банковским заимствованиям вместо ФНБ для финансирования антикризисных мер, очевидно, позволит сохранить эту тенденцию и в 2020–2021 гг.

Конечно, банки были вынуждены реструктурировать кредиты. «По информации ЦБ РФ, на конец июня 2020 г. для физических лиц были реструктурированы кредиты на 600 млрд и на 60–70 млрд предоставлена отсрочка (кредитные каникулы). По малому бизнесу

примерно те же цифры. – рассказывает А.К. Моисеев. – На 2,3 трлн были реструктурированы кредиты юридическим лицам. Но если соотнести эти цифры с объемом задолженности, мы увидим, что физические лица реструктурировали 4% своих заимствований, включая ипотеку, корпорации – примерно 9%, а вот малый бизнес не может вернуть около 16% от суммарных долгов. Это к вопросу о том, кто заплатит за кризис». В целом же доля «плохих» долгов пока не является угрожающей для банковской системы.

«Кроме реструктурирования кредитов и кредитных каникул, нам нужен еще один инструмент – перенос части потерь с реального на финансовый сектор», – делает вывод исследователь.

Что же дальше?

Большинство процитированных докладов в этой статье составлялись до начала второй волны пандемии и введения новых ограничений. И хотя последние были не столь жесткими, как в первую волну, очевидно, прогнозы середины 2020 г. придется скорректировать. Тем не менее выявленные тенденции сохранят актуальность в течение еще некоторого времени, и их необходимо учитывать при принятии решений на всех уровнях.

«Основные сценарии выхода из кризиса по мировой экономике (МВФ, ОЭСР, институт McKinsey) строятся вокруг двух гипотез – это объем стимулирующих мер и собственно развитие пандемии (как быстро она будет преодолена)», – рассказывает М.С. Гусев.

Однако тут возникает множество вопросов к качеству и полноте исходных данных. Это касается и экономических, и медицинских оценок и прогнозов. Статистика заражаемости сильно зависит от наличия и качества тестов, поэтому к ней мало доверия. Статистика смертности считается более надежной, но и она, по мнению Ж. Сапира, в большинстве стран занижается. «И дело не только и не столько в политике, сколько в практических, технических ограничениях», – полагает ученый.

Например, во Франции при определении смертности от COVID-19 не учитывали смерти, произошедшие на дому. В России используется патологоанатомическая экспертиза, что другие страны не признают. В итоге вся медицинская статистика по поводу пандемии, во-первых, не слишком точна, во-вторых, не обеспечивает сопоставимость данных.

В свою очередь на точность экономических прогнозов неизбежно влияет недооценка потерь производительности, связанная как

с условиями труда на предприятиях, так и с состоянием здоровья работников. Во Франции общее снижение уровня производства между 15 и 20 мая оценивалось в 10–12%, «но вряд ли стоит ожидать, что она быстро вернется к прежнему уровню», – комментирует Ж. Сапир. «Нужно также иметь в виду, что огромное количество людей считаются выздоровевшими, но здоровыми не являются, – отмечает Б.Н. Порфирьев. – Это очень сильно сказывается на качестве трудовых ресурсов».

Второй важный фактор неопределенности – реальное состояние малого бизнеса. В большинстве стран этот сектор не попадает в зону сплошного и постоянного статистического мониторинга, и можно только предполагать, как изменится его активность.

Неопределенность относительно возможного возврата эпидемии порождает новые цепочки неопределенностей. Она заставляет государства, с одной стороны, экономить бюджетные ресурсы, имея в виду возможное сохранение господдержки в будущем, с другой – тратить дополнительные средства на охрану здоровья (вакцинация, поддержка коечного фонда, закупка лекарств и оборудования и т.д.). «Возникает вопрос: кто будет за это платить, – говорит А.А. Широков. – Или это скажется на услугах медицинского страхования (т.е. они подорожают), или это будут дополнительные объемы бюджетных затрат. Опять же, нужно понимать, за счет каких налогов их можно будет покрыть».

«Этот же фактор неопределенности воздействует на поведение предприятий с точки зрения инвестиций и поведение домохозяйств с точки зрения потребления, – комментирует Ж. Сапир. – Инвестиции постоянно откладываются либо полностью аннулируются, и, конечно, это будет лежать тяжелым бременем на способности нашей экономики к восстановлению. Если посмотреть на домохозяйства, мы видим, что их процент сбережений увеличился с 16 до 23%. Это тоже оказывает негативное воздействие. И все это будет продолжаться до тех пор, пока не будут приняты меры, способные успокоить потребителей».

Для России на среднесрочную перспективу и международные агентства, и отечественные экономисты предполагают довольно «вялое» восстановление. Прежде всего – из-за различного рода бюджетных и финансовых ограничений. «Мы предполагаем, что ВВП снизится на 5,3%, потребление населения – почти на 6%, инвестиции – на 10%, и единственным элементом конечного спроса, который продолжит расти, будет госпотребление. Но его

вклад в общую динамику будет незначительным», – комментирует А. А. Шилов. В итоге, по расчетам специалистов ИНП, российский ВВП вернется на уровень 2019 г. не ранее 2023 г., а потребление населения и инвестиции – 2024-го.

Прямая речь

О. Д. Говтвань, д.э.н., главный научный сотрудник ИНП РАН, Москва

– Важны не только объемы поддержки, но и то, в какой форме она предоставляется. У меня, например, есть большие претензии к той форме, которая сегодня преобладает в России. Преимущественно используется кредит. Но если в классическом случае кредит рассматривается как форма участия в будущих успехах или форма признания эффективности проекта или заемщика, то в данном случае я не вижу ни потенциальных успехов, ни эффективности. Фактически налицо нарушение принципов кредитования, которое может привести к засорению банковской системы ненужными рисками.

Жак Сапир, директор Центра исследований моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона, Париж

– Во Франции эффективность господдержки сдерживают институциональные ограничения. Например, во время кризиса 2008–2009 гг. многие упрекали правительство в том, что оно давало деньги банкам, не входя в их капитал. И теперь оно, судя по всему, боится субсидировать предприятия, чтобы не возникла эта проблема вхождения в капитал. Боится, что возникнет ситуация, в которой государство станет крупнейшим собственником в экономике и ему придется платить зарплату через механизм частичной безработицы. Конечно, эти опасения носят в большей степени идеологический характер, технических препятствий я тут не вижу. Вполне можно представить себе агентство, которое управляло бы этой собственностью, скажем, 5–7 лет, в течение которых правительство обязалось бы сохранять свою долю в капитале этих предприятий, чтобы потом снова выпустить ее на рынок. Интересно, что у Германии нет такого рода идеологических препятствий, и потому в то время, как французское государство дает корпоративному сектору 43 млрд евро в виде субсидий, немецкое правительство предполагает выделить им 130 млрд.

А. К. Моисеев, научный сотрудник ИНП РАН, Москва

– Плохо продуманные меры поддержки могут привести к неблагоприятным результатам. Что, например, происходило в США в самом начале пандемии, когда были введены ограничения?

За март и апрель суммарные зарплаты американских граждан в отраслях, производящих товары и услуги, упали на 15% – с 8 до 7 трлн долл. При этом доходы работников не сократились, а выросли на 2 трлн долл. Это произошло потому, что выпавшие зарплаты были замещены деньгами государства, которые раздавались всем работающим в гораздо большем объеме (3 трлн). В мае-июне правительство увидело, что слишком много денег вбросило в доходы и скорректировало объемы субсидий. Но это уже отразилось на индексе потребительских цен: все, что относится к пищевой промышленности, напиткам, табаку, сильно выросло по продажам, и показало максимальный рост цен. Кроме того, в июне восстановился спрос на товары длительного пользования. В основном это все происходило благодаря прямым вливаниям из бюджетной системы на счета граждан. За 2-й квартал активы ФРС США выросли почти на 80% – на 3,3 трлн долл. Добавим, что программа США по прямому кредитованию предприятий составляет примерно 1,5 трлн долл., это почти годовая экономика России, реальные ставки по кредитам при этом отрицательные. То есть деньги очень дешевые, и их количество практически не ограничено.

На мой взгляд, здесь мы видим апробацию обесценивания денег. Пока в масштабах одной страны, но, учитывая роль США в мировой экономике, этот эффект скоро скажется и на глобальном уровне. Когда падают эффективность экономики в целом и скорость ее оборота, вы начинаете искать резервы эффективности, и они могут лежать в достаточно жестких решениях по размещению производства, мощностей, рабочей силы и рынков. Один из возможных вариантов реаллокации ресурсов – Африка, где существуют огромные резервы для роста эффективности – огромное население и низкие доходы.

Д. Б. Кувалин, д.э.н., заместитель директора ИНИ РАН, Москва

– Одна из самых острых проблем, с которой столкнулись предприятия, – это дефицит оборотных средств. Пытаясь решать ее самостоятельно, предприятия сокращают расходы на фонд оплаты труда и генерируют цепочки неплатежей, что очень напоминает ситуацию 1990-х годов. К счастью, правительство поняло всю опасность ситуации. Во всяком случае, малые предприятия были освобождены от налогов на весь 2-й квартал и получили безвозмездные субсидии на выплату заработной платы. Кроме того, многие торговые малые и средние предприятия, располагающиеся на площадях, принадлежащих государству, были освобождены

от арендной платы. Некоторые частные владельцы торговых центров тоже снизили арендную плату и/или предоставили отсрочку. Насколько известно, снизилось число административных проверок предприятий МСБ. И все же, по данным наших опросов, не менее 3–5% малых предприятий были вынуждены полностью прекратить производство и фактически закрылись.

М.С. Гусев, зав. лабораторией ИНП РАН, Москва

– Задача для построения долгосрочного прогноза изменилась. Если раньше мы считали, что все тренды будут укрепляться в течение десятилетий, сейчас все, что могло произойти, уже случилось. Кроме того, нам предстоит очерчивать будущее и строить новые сценарии с учетом ускорения всех структурных технологических изменений. Для России это означает, что нужно искать пути к изменению сложившейся инерции. Если мы не увеличиваем норму накопления, если в мире упадет спрос на сырье или не вырастут цены на него, при этом, как известно, в стране ожидается убыль населения, фактически у нас не останется факторов, которые толкали бы экономику вперед.

Л.Н. Решетников, министр экономического развития Новосибирской области

– По итогам 2020 г. мы прогнозируем падение ВРП на 8%. Это больше, чем в России (4%), потому что свыше 70% в структуре региональной экономики составляют услуги (в России – 50%), практически половина занятых – это малый и средний бизнес. Это приводит к тому, что, с одной стороны, мы имеем в долгосрочной перспективе более диверсифицированную экономику, с другой – мы всегда в кризис падаем больше, а после него растем быстрее. Что нас сегодня беспокоит? По промышленности мы выйдем на уровень 2019 г., по инвестициям окажемся даже в плюсе, хотя и Сибирь, и Россия в целом упали (во многом нас поддержали два крупных инвестпроекта по строительству логистического центра OZON и завода кормов для домашних животных Nestle Purina Pet Care), экспорт тоже в плюсе. За время кризиса, по данным таможи, внешнеэкономическая деятельность выросла на 27% (экспорт – на 20% и импорт – на 7%). Из всех макроэкономических показателей упали услуги – на 18–20% (это прежде всего бытовые услуги, малый и средний бизнес) и стройка (минус 30%, хотя здесь есть свои нюансы, связанные с «пропиской» строительных компаний, так, например, объемы ввода жилья выросли на 25%). За счет сферы услуг и строительства мы почувствуем падение ВРП.

Сгладить последствия кризиса помогают меры поддержки в объеме 25,5 млрд руб. и тот факт, что закрыты были недолго. Думаю, через два года мы вернемся на уровень 2019 г. Но проблем все равно хватает. Если взять сферу туризма, объем туруслуг сократился на 75%. Это очень серьезно. В будущем однозначно будут переделы рынка. Кроме того, если с позиции министерств ситуация кажется в целом стабильной, то при рассмотрении конкретных компаний всегда можно найти довольно печальные истории. Но все-таки мы слышим больше положительных отзывов от бизнеса, что меры поддержки помогли пережить текущую ситуацию, и возлагаем большие надежды на реализацию стратегических инвестпроектов. Возле Бердска, где размещается завод Nestle, мы планируем создать агропромышленный индустриальный парк на 143 га. Как показывает практика (опыт Калуги), появление крупного бизнеса служит стимулом для региональных поставщиков. Ожидается значительный рост деловой активности и в связи со строительством центра OZON. Благодаря электронной торговле мы даже при закрытых границах не упали по вэд, и мы только в начале этой работы.

«Мы должны по-прежнему решать вопросы повышения уровня жизни населения и преодоления технического отставания от развитых стран, – говорит А.А. Широков. – Все это требует концентрации финансовых ресурсов и реализации программ в тех областях, где в ближайшие годы возможен быстрый количественный и качественный рост. Поэтому мы ожидаем обострения дискуссии о направлениях экономической политики. Вернуться ли нам к идеологии бездефицитного бюджета и жестких мер кредитно-денежной политики при сохранении высокого объема резервов, или же начать формировать такое перераспределение ресурсов в экономике, которое бы позволило иметь более высокие темпы роста, пусть и с более высокими рисками.

В нашей ситуации требования к качеству экономической политики сильно выросли. Если все будет происходить так, как есть, мы не сможем обеспечить рост выше 2–2,5% в год. При этом мы понимаем, что государство – безальтернативный игрок при выходе из кризиса. Никто другой не может придать импульс экономике для движения в сторону восстановления. Сможем ли мы поднять темпы роста до 3% в 2025 г. – это уже вопрос частных инвестиций, но важно, чтобы государство запустило этот механизм, дало бизнесу этот импульс. Если у бизнеса не будет мотивов для инвестиций, не будет и роста».

Summary

Veselova, E. Sh., deputy editor-in chief of ECO-journal, Institute of Economics, SB RAS, Novosibirsk

Coronary Crisis-a Crisis of Management Decisions

Abstract. The article is based on the materials of several online seminars and conferences held in the summer and autumn of 2020 and dedicated to discussing the problems caused by the COVID-19 pandemic. Economists agree that the first-ever lockdown experience, born of a desire to stop the spread of infection, provoked a severe economic crisis, which one of the experts called a crisis of management decisions. The authors of the reports cited in the article agree that in order to successfully overcome the consequences of the coronary crisis, many states should radically revise the existing approaches to economic management.

Keywords: *Corona crisis; pandemic; forecast; risks; economic recovery; state support; uncertainty*

Статья поступила 20.01.2021.

Статья принята к публикации 25.01.2021.

Для цитирования: *Веселова Э.Ш.* Коронакризис – кризис управленческих решений // ЭКО. 2021. № 2. С. 8–24. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-8-24

For citation: Veselova, E. Sh. (2021). Coronary Crisis-a Crisis of Management Decisions. *ECO*. No. 2. Pp. 8–24. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-8-24

В статье использованы доклады участников Международной конференции по макроэкономическому анализу и прогнозированию, посвященной 85-летию со дня рождения академиков В.В. Ивантера и Ю.В. Яременко, а также 35-летию основания ИНП РАН³, LIX сессии российско-французского семинара, организованного совместно ИНП РАН, Центром исследования моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона (Centre d'Etudes des Modes d'Industrialisation, Centre Robert de Sorbon)⁴, сессии Агентства инвестиционного развития Новосибирской области «Бизнес против кризиса»⁵.

³ URL: <https://ecfor.ru/konferentsiya-35/>

⁴ URL: <https://ecfor.ru/nauchnaya-zhizn/seminary-i-konferentsii/rossijsko-frantsuzskij-seminar-ekonomika/rossijsko-frantsuzskij-seminar-lix/>

⁵ URL: https://www.youtube.com/watch?v=EuzeP09UEhY&t=2936s&ab_channel=InvestinNovosibirsk